

Джули Абрамсон

И НЕЙ
И
ПЕПЕЛ

Не зови меня по имени

18+

Джули Абрамсон

Иней и пепел

«Автор»

2026

Абрамсон Д.

Иней и пепел / Д. Абрамсон — «Автор», 2026

Она не помнит, что попросила его сделать. Он не может забыть. Эйра приходит в город зимнего двора фейри без памяти о том, кем была. Только шрам на запястье и записка в кармане. Её почерк. Её слова: «Не влюбляйся в него снова. Пожалуйста.» Кейн правит зимним двором двести восемьдесят лет. Семь из них хранит то, что она попросила взять — каждую секунду того, что между ними было. Семь лет молчит. Потому что обещал. Потому что она велела. Пока Эйра ищет правду — цветы прорастают из мёртвого мрамора под её ногами. Древняя магия, из-за которой триста лет назад сожгли целый народ, просыпается снова. И те, кто боится этого, уже начали действовать. «Иней и пепел» — тёмное фэнтези о двух дворах фейри, о забытой магии и о любви, которая пережила собственную смерть. Для тех, кто любит медленное притяжение, игру власти и героев, чья история началась задолго до первой страницы.

© Абрамсон Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10

Джули Абрамсон

Иней и пепел

Глава 1

Иней и пепел

Не зови меня по имени— · —

«Не влюбляйся в него снова.

Пожалуйста.»

- записка, написанная ею себе в ту ночь

ОТ АВТОРА

Говорят, в начале не было двух дворов.

Было одно царство. Одна магия. Один народ.

Но однажды кто-то спросил:

«Что важнее - помнить или забыть?»

И мир раскололся.

— · —

На западе - Двор Асфодель. Вечная осень. Магия здесь помнит всё: каждый камень, каждую потерю, каждое имя. Здесь не прощают и не отпускают. Здесь любят так, что от любви умирают.

На востоке - Двор Морэ. Вечная зима. Магия здесь забывает - точно, намеренно, навсегда. Здесь стирают то, что нельзя пережить. Здесь любят так, что в одну ночь можно отдать всё, что было.

Между ними - Разлом.

Никто не знает, что живёт на его дне. Он дышит. Он берёт у каждого, кто переходит, именно то, что ты больше всего боишься потерять.

У одних - голоса любимых. У других - лицо матери. У третьих - собственное имя.

Иногда в тумане слышатся имена. Свои.

— · —

Три века назад что-то случилось на границе.

Что именно - не помнит никто.

Или не хочет.

Или был кто-то, кто позаботился об этом.

— · —

Эта история начинается там, где заканчивается память.

И там, где она вопреки всему - возвращается.

— · —

Добро пожаловать в Двоецарствие.

Я рада, что ты здесь.

— · —

«Возвращайся другой. Возвращайся незнающей.

Я буду ждать даже твою ненависть -

потому что хотя бы так ты будешь жива.»

— · —

Морэн

— · —

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Разлом

— . —

Туман пахнет кровью и старым золотом.

Я узнаю этот запах раньше, чем успеваю его почувствовать. Он живёт во мне где-то ниже мысли - в том тёмном, неосвещённом углу, где тело помнит то, чего голова не помнит уже давно. Он поднимается по горлу как предчувствие - сладкое, железное, такое знакомое, что сводит зубы. Туман всегда пахнет здесь так. На границе. В месте, которое не принадлежит никому и у каждого забирает своё.

Ты уверена.

Голос. Низкий. Почти без интонации - будто человек, которому он принадлежит, давно разучился вкладывать в слова больше, чем необходимо. Не вопрос. Утверждение. Как будто он уже знает ответ и просто даёт мне последний шанс сказать что-то другое.

Туман. Силуэт в тумане. Что-то тёплое на моей щеке - чья рука? Моя? Его? Кожа помнит прикосновение, и это помнят даже те, кто забыл всё остальное - чьё прикосновение было последним, когда ты что-то теряла. Не забывается. А у меня - забылось.

Пожалуйста, - слышу я собственный голос. Чужой. Взрослый. Голос женщины, которая всё уже решила и теперь просто ждёт, когда это будет сделано. - Пожалуйста. Сделай это.

Темнота. Такая густая, что в ней можно плавать.

— . —

Ветер бьёт в лицо - и я возвращаюсь.

Одна секунда беспомысленности, чёрной, как проглоченная монета. Потом мир встаёт на место: тяжело, криво, как возвращают на место сломанное. Дорога под сапогами. Сумка, отягивающая плечо. Стёртые до пузырей пятки. Плечи, которые болят уже сутки и будут болеть ещё столько же.

Во рту - кровь. Я прокусила губу даже не заметив когда.

Обрывок рассыпается. Остаются три осколка: чья-то рука, чьё-то «пожалуйста» и звериное эхо в груди - будто сердце только что прокричало и теперь молчит, стыдась.

Я выдыхаю. Передо мной Разлом. Я представляла его иначе.

Все эти годы - яростным. Рвущейся землёй. Огнём.

А он молчит.

Лежит передо мной длинной тёмной полосой, как рана, которую кто-то давно нанёс земле и забыл зашить. Края дышат - не двигаются, именно дышат, как спящее животное, которому снится что-то нехорошее. Туман поднимается из трещины мягкими витками, не спеша. У него впереди вечность. У меня - нет.

У моих ног лежит перчатка.

Одна мужская перчатка чёрной кожи, потёртая на костяшках так, как стираются перчатки у тех, кто часто сжимает кулак и ещё чаще заставляет себя этого не делать. Лежит так, будто её только что уронили.

Я не решаюсь поднять её.

Что-то во мне - тихое, старое, безымянное - говорит: не надо. И я слушаюсь.

Но смотрю долго. Дольше, чем стоило. И на секунду - одну предательскую секунду мне кажется, что если её подниму, если только натяну на свою ладонь, я вспомню.

Заставляю себя отвернуться.

Никто не переходит задаром, девочка.

Голос той женщины. Позавчера, в Вэрите. Старая, с глазами, которые видели слишком много и перестали удивляться.

Разлом берёт что захочет. Иногда ты даже не замечаешь, что отдала.

А если у меня нечего взять? - спросила я тогда.

Слово выскользнуло само. Она молчала долго.

Тогда он сам найдёт.

— . —

Я делаю шаг.

Трава под сапогами белая. До корня, до самой жилы. Хрустит как кости. Тонкий высокий звук, от которого сводит зубы. Туман начал густеть так, как будто обретает вес. Сначала из виду уходят сапоги. Потом колени. Потом рука, которую я вытягиваю перед собой, исчезает в белом.

И тогда я слышу его.

Не снаружи. Внутри. Под кожей.

- Ты уверена.

Я останавливаюсь так резко, что в колене щёлкает. Воздух выходит из меня весь, сразу - будто кто-то с силой надавил мне в грудь между рёбер.

Тот же голос. Низкий, ровный, без удивления - будто он уже произносил эти слова однажды и теперь повторяет, в точности, как-тогда. Сердце пропускает удар. Потом бьёт дважды - быстро, догоняя.

Кожа поднимается дыбом. Живот сжимается. Колени будто не мои.

Эта реакция случается один раз. На один голос.

Но я его не знаю.

- Прекрати, - шепчу вслух.

Туман проглатывает звук раньше, чем тот успевает улететь.

— . —

Под ногами меняется звук.

Трава кончилась. Теперь камень - гладкий, отполированный временем. Я в середине Разлома.

- Повернись.

Тот же голос. Ближе.

Я не поворачиваюсь.

Сжимаю зубы и делаю ещё шаг.

- Повернись. Пожалуйста.

Это «пожалуйста» хуже приказа.

Я спотыкаюсь - ни о что. Сердце стучит так громко, что слышу его отдельно от себя.

Пожалуйста.

То самое слово. Которое минуту назад - в том проблеске, в тёмной комнате со свечами - шептала я. Шептала кому-то, чьё лицо я не видела. Словно туман возвращает мне моё собственное слово. Словно говорит: я помню. Теперь - я.

- Я тебя не знаю, - говорю вслух. Твёрдо. - Кто бы ты ни был. Я. Тебя. Не знаю.

Долгая тишина.

И потом - тихо, так тихо, что почти не слышу:

- Знаешь.

— . —

Туман взрывается.

Не светом. Памятью.

Комната. Тёмная. Свечи. Чьи-то руки у моего лица - холодные, с серебряным отливом на костяшках. Тонкие узоры на его предплечьях, цвета инея. В темноте они слабо мерцают, как иней при луне.

Я вижу себя его глазами - на одну секунду - и вижу, что я плачу.

А потом снова - моими.

И над моим лицом - его глаза. Синие, как глубокая вода подо льдом. В них - боль, отодвинутая в сторону. Решение, принятое против себя. Любовь, которая знает, что её сейчас убьют, и соглашается.

Его большой палец вытирает слезу на моей щеке. Медленно. Как будто прощается с ней отдельно.

- *Пожалуйста, - слышу я свой голос. - Пожалуйста. Сделай это.*

- *Эйра, - говорит он.*

И впервые в его голосе есть интонация. Что-то, что ломается на моём имени, как лёд под тяжестью.

Всё.

— . —

Я на коленях.

Не помню, когда упала. Ладони на камне. Камень тёплый - от меня. Что-то горит в моей крови. От кончиков пальцев идёт тонкий пар.

Я смотрю на пар. Не как от живого. Как от чего-то, что-только что проснулось.

И на земле под моими ладонями - там, где они касаются камня - между серыми камнями пробиваются тонкие нити. Серебристо-зелёные. Как корни. Как первая жизнь.

Я отдёргиваю руки.

Нити остаются.

Я плачу. Замечаю это только сейчас. Поднимаю пальцы к лицу. Щёки мокрые.

- Нет, - говорю камню. Себе. Ему. Всем сразу. - Нет. Я не хочу. Не сейчас. Не здесь.

Туман вздрагивает. Слышит.

И отпускает.

— . —

Я поднимаюсь так, как поднимаются после удара - не после падения. Делаю аккуратно шаг. Потом ещё. Иду, пока под сапогами снова не оказывается земля. Настоящая. С обычной травой.

Оглядываюсь.

Разлом за моей спиной - тёмный, спокойный. Будто ничего не было.

На внутренней стороне моего правого запястья - тонкая розовая полоса. Свежая. Которой минуту назад не было.

Медленно переворачиваю левую руку.

Там - старый шрам. Побелевший. Ему годы. Я никогда не знала, откуда.

Теперь он один из пары.

И это сходство так точно, так откровенно, что у меня подгибаются колени. Будто кто-то много лет назад разрезал меня пополам, а сегодня вернул вторую половину и сказал: вот, теперь у тебя есть обе. Попробуй забыть.

Тогда он сам найдёт.

- Нашёл, - говорю тихо себе.

И иду дальше.

— . —

Город виден издалека.

Огни его - маленькие, янтарные - мерцают в сумерках. Два часа ходьбы. Вэрит уже позади; этот другой. Называется словом, которое я никогда не произносила вслух.

Морэн. Приграничный город зимнего двора.

На последнем холме останавливаюсь. Огни внизу не янтарные. Бледно-синие. Ледяные. В их свете силуэты домов кажутся вырезанными из чего-то хрупкого. Улицы идут прямо, без изгибов. Крыши острые.

Всё острое.

Поправляю капюшон, подтягиваю сумку и начинаю спуск.

— . —

Он ждёт, пока её силуэт не скрывается за первым поворотом дороги.

И ещё минуту после этого. Просто на всякий случай. На случай, если она обернётся.

Она не оборачивается.

Он выходит из-за камней, где стоял всё это время. Высокий. В тёмном. Волосы серебряные - не от луны, сами по себе серебряные.

Наклоняется. Поднимает с земли чёрную кожаную перчатку свою и медленно натягивает обратно. Под манжетой, на внутренней стороне запястья, розовая полоса. Тонкая. Свежая. Появилась минуту назад - в ту секунду, когда появилась её.

Смотрит на неё долго. И медленно проводит по ней одним пальцем. И в эту секунду - на коже над иррамом - что-то тонкое расходится в стороны. Бледно-голубое. Ломаное, несимметричное.

Узор инея. Та линия, которой он не носил семь лет. Ушла вместе с ней. Семь лет - пустое место.

Сейчас - вернулась.

Он смотрит на свою кожу долго. Потом застёгивает манжету.

Двести восемьдесят лет. Он видел, как умирают звёзды. Видел, как исчезают народы. Видел достаточно, чтобы больше ничего не чувствовать.

Но это - не научился.

Это каждый раз заново.

- Эйра, - говорит он тихо, в никуда.

Имя падает в воздух и остаётся там.

Закрывает глаза. Один удар. Два. Открывает.

И уходит в противоположную сторону. По тропе, которая ведёт не к городу.

Глава 2

ГЛАВА ВТОРАЯ

Морэн

— . —

Город встречает меня тем, как на меня смотрят.

Это первое, что замечаю у ворот. Стражник поднимает на меня глаза и опускает их раньше, чем я успеваю встретить взгляд. Не грубо. Не подозрительно. Как опускают глаза, когда видят что-то, чего не должны были видеть.

- Документы.

Я протягиваю бумагу. Ту, что мне дали в Харне - с печатью, которая ничего не значит ни на одной из сторон и именно поэтому подходит. Стражник просто смотри на нее даже не читая.

- Цель визита.

- Работа.

- Какая?

- Любая.

Он возвращает мне бумагу. Рука у него в перчатке, пальцы не касаются моих. Это тоже нарочно.

- Проходи.

Я прохожу. И слышу у себя за спиной, тихо, одному себе, будто я уже ушла и он может сказать вслух:

- *Милостивая.*

Просто слово. Тихое. С выдохом. Как произносят молитву те, кто уже не верит.

Я не оборачиваюсь.

— . —

Морэн падает на меня сразу. Не постепенно - сразу, как падает вода, когда ныряешь. Холодный воздух, пахнувший металлом и чем-то сладким, как озон после грозы. Улица из серого камня, отшлифованного до блеска не руками, временем и ногами. Фонари бледно-синие, ровные, без живого огня. Свет их не греет. От него становится холоднее - не телу, какому-то другому месту внутри, у которого нет названия.

Слух привыкает медленнее зрения.

Сначала я слышу собственные шаги слишком чётко. Камень здесь не глушит звук. Он отражает. Каждый мой шаг возвращается мне через полсекунды, отражённый от стен напротив, и от этого всё время кажется, что за мной кто-то идёт чуть вразнобой.

Потом - другие звуки. Тонкий звон серебра - где-то рядом, в одном из домов, кто-то моет посуду. Скрип колеса - небольшая телега катится по соседней улице, и колесо у неё чёрное, обитое железом, ритмично стучит на каждом стыке плит. Птица одна кричит над крышей. Высокая. Не воронья. Какая-то другая, северная.

И в самой глубине звукового слоя - низкий, ровный гул. Я не могу понять, откуда он. Не из домов. Не из земли. Не из моей головы. Будто весь Морэн на чём-то поёт. На одной ноте. Очень тихо. Я слышу его, только когда останавливаюсь и прислушиваюсь, и стоит мне сделать шаг - он гаснет.

Запах - тоже слоёный. Сначала камень, мокрый от тумана. Потом - где-то горелое. Не дрова - что-то другое, с тонким металлическим привкусом, будто здесь сжигают саму ткань. Потом, ближе к перекрёстку, - тёплая еда. Мясо с травами, какие я знаю и какие не знаю. У меня в животе сводит - я давно не ела.

Люди идут не смотря.

Я вижу это боковым зрением раньше, чем мозг собирает данные: они чуть-чуть сторонятся. Не отшатываются. Просто траектории их шагов становятся кривыми рядом со мной. Плечо, которое могло бы задеть моё, уходит в сторону на лишние полвершка. Взгляд, который должен был скользнуть по лицу, соскальзывает раньше.

И я впервые вижу их вблизи. Фейри зимнего двора.

Они высокие - все. Будто кто-то установил норму и брака не допустил. Кожа того оттенка, какой бывает у молока, если в него капнуть чернил: белая с едва заметной синевой. Волосы - тёмные, или светлые, или пепельные, но всегда гладкие, как будто расчёсанные одним движением. И глаза. Вот глаза запоминаю сразу: у всех у них глаза слишком ясные. Ни одного мутного взгляда, ни одного усталого. Смотрят, как смотрит вода - прозрачно, спокойно, и ты не можешь сказать, думают ли о чём-нибудь эти глаза, потому что ты видишь сквозь них и не натыкаешься ни на что.

Между ними - другие. Иногда.

Мимо проходит женщина с корзиной - кожа смугловатая, уши чуть короче. Идёт быстрее остальных. Не из вежливости.

Чуть дальше - мальчик. Лет семи. Бежит за тётушкой, спотыкается на ровном месте, и тётушка, не оборачиваясь, протягивает руку назад, ловит его за рукав. У мальчика в кулаке что-то деревянное. Похоже на маленькую птичку. Он бежит дальше, прижимая её к груди, и я провожаю его глазами.

Не знаю почему. Просто что-то во мне его отметило.

Я не такая. Знаю это кожей, прежде чем знаю головой.

Они меня видят, - думаю я.

И не хотят, чтобы я это заметила.

Поправляю капюшон - ниже, на глаза. Иду.

— . —

Морэн построен не для того, чтобы в нём жить.

Понимаю это через пять минут ходьбы. Здесь всё слишком. Слишком прямые улицы. Слишком высокие дома. Слишком ровные окна - одинаковые, одно под другим, этаж за этажом, как будто кто-то расчертил город по линейке и запретил ему отклоняться.

Красиво. Так красиво, что больно смотреть. И пусто - не от людей, людей хватает - пусто как в комнате, откуда недавно вынесли всё, что имело значение.

Я замечаю деталь: на каждой двери одинаковый знак. Шестиугольник, вырезанный в дереве, внутри - тонкая спираль. Чёрная краска, выцветшая. Повторяется на каждой двери. Без исключений.

Я не знаю, что это значит.

Но что-то во мне сжимается, когда задерживаю взгляд. Не страх. Узнавание - слабое, со дна, как будто я уже видела этот знак когда-то, и не в книгах.

Отвожу глаза.

— . —

- Первый раз в Морэне?

Я оборачиваюсь слишком быстро. Рука уже на рукояти ножа под плащом. Это уже рефлекс, и я успеваю себя за него возненавидеть раньше, чем понимаю, что передо мной.

Мужчина.

Невысокий - на полголовы ниже меня, и это редкость среди фейри, большинство из которых растёт, как будто им за это платят. Тёмные волосы - коротко стриженные, без укладки, будто он только что провёл по ним рукой и забыл. Сложение лёгкое, жилистое - такое, какое получается не от тренировок, а от жизни, в которой часто нужно было быстро двигаться. Одет просто: серая рубашка, тёмная куртка, ничего, что бросилось бы в глаза. Это специально. Я вижу это сразу: каждая деталь его вида подобрана, чтобы тебя не запомнили.

Лицо его - из тех, которые забываешь через минуту. Обычное. Не красивое и не уродливое, без приметных черт. Средний нос. Средние губы. Тонкая линия старого шрама у левой брови - единственное, что могло бы его выдать. Но он стоит так, что шрам в тени.

А потом смотрю в глаза и останавливаюсь.

Глаза у него светло-карие. Быстрые. Они уже прошлись по мне - раз, два, три, - и я пропустила это, потому что смотрела на его руки, на плечи, на всё остальное. Он успел прочитать меня целиком, пока я ещё решала, опасен он или нет.

Он держит руки на виду. Улыбается ровно настолько, чтобы это не было угрозой.

- Извини. Напугал.

- Нет.

Это ложь. Мы оба её слышим, но он не подаёт виду.

- Рука на ноже говорит другое.

Опускаю руку. Медленно. Так, чтобы он видел - не потому что заслужил доверие. Потому что не хочу выглядеть дурой.

- Что тебе нужно?

- Ничего. - Он пожимает плечами. - Просто увидел, что ты смотришь на дверные знаки так, как на них смотрят только приезжие. Подумал - подсказать.

- Не надо.

- Как скажешь?

Он не уходит. Стоит и смотрит мимо меня - на ту же дверь, на которую смотрела я. И когда он поворачивает голову, я вдруг замечаю ещё одну деталь: уши. У фейри зимнего двора уши длиннее, чем у людей, и заострены мягко, красиво. У него короче. Почти человеческие. Почти.

Полукровка. Или из тех, о ком в Харне шепчут: из Харна.

Он говорит, как бы между прочим, как говорят, когда хотят, чтобы ты запомнила:

- Это знак дома. Показывает, сколько человек внутри. Шестиугольник - шесть комнат.

Спираль - значит, есть свободная. Если увидишь дверь, где спираль закрашена сверху, - туда не стучи. Там или траур, или зараза.

Смотрю на него.

Он ещё улыбается - той же ровной полу-улыбкой, которую поставил с самого начала и не снимает. Но глаза другие. Глаза наблюдают. И не ту руку, которая только что была на ноже. Всё остальное.

- Зачем ты мне это говоришь?

- Потому что ты выглядишь как человек, который только что перешёл Разлом и не нашёл, кому заплатить за переход.

У меня пересыхает во рту.

Как он это видит.

Смотрю на свои руки - нет, они в перчатках. На плащ - обычный. На сумку - такая же, как у половины людей на этой улице. Я не могу понять, что меня выдаёт.

- Не по тебе видно, - говорит он, и я понимаю, что он читает моё лицо, как книгу, которую уже знает наизусть. - По тому, как ты идёшь. Все, кто переходит впервые, идут одинаково. Как будто проверяют, что ноги ещё на месте.

Я киваю. Хочу отвернуться - и вдруг ловлю его взгляд.

Он смотрит на моё правое запястье.

Не на левое - на правое. На то, где свежий шрам. Сквозь перчатку.

- У тебя кровь, - говорит он спокойно.

Я опускаю глаза. На светлой коже перчатки - крошечное розовое пятно. Изнутри. Шрам сочится.

Я не показывала ему руку.

Он сам знал, на которую смотреть.
Заставляю себя рассмеяться. Выходит сухо.

- Хорошо наблюдаешь.

- Работа такая.

- Какая работа?

Он не отвечает сразу. Смотрит на меня ещё секунду - дольше, чем положено. Потом протягивает руку:

- Риан.

Я не пожимаю.

- Я не спрашивала имя.

- Я знаю.

Он убирает руку обратно. Без обиды. Будто так и надо. И от этого - от того, как у него это получилось естественно, без единой трещинки, - мне становится чуть холоднее, чем от морэнского ветра.

— . —

Он приводит меня в таверну.

Я не понимаю, как это случается. Только что мы стояли на улице, я собиралась уйти - и вот мы уже в низком зале, где пахнет горячим хлебом и дымом, и он заказывает мне что-то без спроса, и я сажусь напротив него, хотя не собиралась, и это не потому что он меня уговорил. Он не уговаривал. Он просто шёл, и я шла рядом, и в какой-то момент это перестало быть решением.

Вот так, наверное, исчезают люди, - думаю я.

Не потому что их куда-то тащат. А потому что никто вовремя не останавливается.

В свете таверны я вижу его лучше. Запоминаю против воли - потому что в работе, которой он занимается, не должно быть такого лица, которое запоминается, и всё же оно запоминается. Не чертами - деталями. Тем, как он держит кружку двумя пальцами, а не всей ладонью. Тем, как его левая рука всегда остаётся на столе, на виду. Тем, что он сидит вполоборота к двери - всегда, без исключений, - и я понимаю это только тогда, когда обращаю внимание, что сама автоматически села лицом к выходу.

Он сел так, чтобы я не подумала, что он может перекрыть мне путь.

Это забота? Или это знание того, что я не сяду спиной к двери, и он не хотел заставлять меня чувствовать себя в ловушке?

Не знаю.

И это хуже, чем если бы он был откровенно опасен.

Перед нами ставят две глиняные кружки. Что-то тёмное, тёплое, пахнет травами - полынью и чем-то ещё, что я не могу назвать. Он не пьёт первый. Ждёт, пока я попробую.

Я не пробую.

- Отравы боишься? - спрашивает он спокойно.

- Просто не хочу пить.

Он кивает. Как будто это нормальный ответ. Делает глоток из своей кружки. Потом говорит:

- Тебе нужна работа. Крыша. И кто-то, кто объяснит, что в Морэне можно делать, а что нет. Я могу дать это всё.

- За что?

- За ничего. Пока.

- А потом?

- А потом посмотрим.

Смотрю на него. Долго. Дольше, чем прилично. Он выдерживает взгляд - не агрессивно, не кокетливо, а как выдерживают те, кому действительно нечего прятать. Или те, кто умеет прятать лучше всех.

Не могу определить, что из двух.

И это меня злит.

- Почему я?

- Прости?

- Почему ты подошёл ко мне? В городе полно приезжих. Ты что, всем объясняешь про дверные знаки?

Что-то мелькает у него в лице. Очень быстро. Так быстро, что я не успеваю понять, что именно. Будто он на секунду забыл, что играет, и вспомнил слишком поздно. И оно пропадает прежде, чем я могу быть уверена, что оно было.

- Ты одна, - говорит он наконец. - Без спутника. Без груза. С ножом, который ты держишь как человек, который умеет. Такие редко.

- И это тебе интересно.

- Да.

Он не лжёт. Я это чувствую. Но чувствую и другое: это не вся правда. Не половина даже. Это та часть правды, которую можно положить на стол, не испачкав.

Делаю первый глоток.

Травяной. Горький. Согревает неприятно - не изнутри, будто приказывает согреться снаружи. Ставлю кружку обратно.

- Какую работу?

- Завтра расскажу. Сегодня тебе нужно поспать. В «Синем колоколе» держат для меня комнату, можешь занять её на ночь. За счёт заведения.

- Я тебе ничего не должна.

- Я знаю.

- И не буду должна.

- Тоже знаю.

Он встаёт. Кладёт на стол монету - мелкую, медную, местную. Поворачивается к выходу. И уже в дверях - через плечо, не оборачиваясь полностью, будто вспомнив что-то неважное, - говорит:

- Кстати. Если кто-нибудь спросит, как тебя зовут, - скажи любое имя, кроме твоего. В Морэне имена слышат.

Он вышел, я осталась сидеть. Кружка в моей руке тёплая. Зал вокруг - полон шума, стука кружек, чьего-то низкого смеха. Но между этим шумом и мной - прозрачная стена, как бывает, когда слишком устаёшь. Я слышу всё и не слышу ничего.

В Морэне имена слышат.

Я не говорила ему своего имени.

И точно помню, что он не говорил мне своего. Он его назвал. Но я его не слышала. Не так, как слышат имя в первый раз. Оно вошло в меня, как будто уже там было, только лежало в ящике, который открыли.

Опускаю взгляд в кружку.

На дне, где опал травяной мусор, я вижу рисунок - случайный, бессмысленный. Тёмные крошки разложились в узор, похожий на спираль внутри шестиугольника.

Смотрю долго.

Потом отодвигаю кружку так осторожно, будто внутри не чай, а что-то живое.

— . —

Комната в «Синем колоколе» маленькая. Одно окно. Одна кровать. Один стул. Умывальник из того же серого камня, что и весь город.

Я запираю дверь. Проверяю замок. Проверяю ещё раз. Подхожу к окну и там, внизу, синий город, и стою, глядя в стекло, секунду дольше, чем стоило. Мне кажется, кто-то смотрит оттуда. Но не на улице. Выше - где-то на верхних этажах, в той стороне, где за городом поднимается башня. Я задёргиваю занавеску.

Сажусь на кровать, не раздеваясь.

Я не буду спать.

Говорю это себе, и это первая вещь за весь день, в которой уверена на сто процентов.

Достаю из сумки то, что всегда со мной: маленький кожаный мешочек. Истёртый на углах - я трогала его слишком часто. Внутри три вещи. Письмо, которого я не писала. Серебряная монета с чужим гербом. И крошечный ключ от замка, которого я никогда не видела.

Это всё, что было при мне в тот день, когда я очнулась в пещере Харна. Три предмета - и пустота там, где должна быть жизнь.

Раскладываю их на одеяле, как делала уже сотни раз.

Письмо короткое. Одна строчка.

Не влюбляйся в него снова. Пожалуйста.

Почерк мой. Я узнала его через месяц после пробуждения, когда впервые села писать сама. Буквы ложатся у меня на бумагу ровно так же. Наклон. Нажим. Хвостик у «й», которого больше нет ни у кого.

Это написала я.

Я не помню когда. Не помню кому. Не помню о ком.

Но это написала я.

Провожу пальцем по слову «пожалуйста». Бумага истёрта в этом месте - тонкая, почти прозрачная. Я трогала его столько раз, что моё «пожалуйста» начало стираться от моего же прикосновения. Как будто пыталась его стереть, и остановить меня было некому.

Беру монету в руку, она тяжёлая и очень холодная. Герб - шестиугольник, и внутри него - спираль.

Смотрю на неё.

На дверь.

На кружку в моей голове, где тёмные крошки легли в узор, который я только что увидела в третий раз за один день.

Где-то в городе - стук. Далёкий. Ровный. Кто-то стучит в деревянное - копытами? Молотом? Я не могу понять. И есть ещё что-то, чего я почти не замечаю, пока не замечаю: в комнате слишком тихо. Не только снаружи. Внутри тоже. Будто сами стены умеют слушать.

Гашу свечу.

Лежу в темноте с открытыми глазами. Мой правый шрам пульсирует медленно, в такт сердцу, и я не знаю, от воображения это или нет.

И впервые за долгое время думаю: я пришла сюда не просто так. Я пришла сюда, потому что кто-то меня сюда позвал.

Только я этого не помню.

И где-то в этом городе, в эту секунду, этот кто-то знает, что я пришла.

— . —

Во дворце зимнего двора, на верхнем этаже западной башни, в комнате, в которой не зажигают свечей, стоит у окна человек.

Высокий. Выше, чем принято даже здесь, где высота - норма. Плечи не широкие в том смысле, в каком это говорят о силаче; прямые, тяжёлые, спокойные. Он стоит не двигаясь уже больше часа, и от его неподвижности воздух вокруг кажется плотнее - будто движение в комнате ему приходится разрешать.

На нём тёмная рубашка. Рукава закатаны до локтя - не из небрежности, а потому что он вернул недавно, и пока не переоделся, и не переоденется ещё долго. На предплечьях,

видные в тусклом свете из окна, идут узоры. Не чёрные - такие татуировки носит кое-кто в Харне. Его - цвета инея. Бледно-голубые, почти белые, с серебристым мерцанием, которое появляется только при движении и пропадает, когда он замирает. Линии тонкие, ломаные, несимметричные. Они похожи на разводы мороза на окне - те, что возникают за ночь, и если смотреть на них утром, кажется, что в них есть смысл, но стоит отвернуться - и смысл уходит.

Один из узоров - на левом плече, под рукавом - двести лет назад появился сам. В ту ночь, когда она впервые произнесла его имя в темноте. Узор пришёл вместе с её голосом, как что-то, что она оставила на нём, не зная, что оставляет.

Другой - на правом запястье, длиной в два пальца, такой тонкий, что в обычные дни почти не виден - появился в ту ночь, когда он стёр её. Этот узор самый светлый. Самый похожий на иней. Он смотрит на него каждое утро, и каждое утро тот горит не сильнее и не слабее, чем накануне. Просто горит. Как если бы в нём была заключена та секунда - навсегда, без права на побег.

Волосы серебряные - цвет крови зимнего двора, чистой, той самой, что не разбавлялась веками. В этом бледном свете волосы выглядят почти белыми, и только у корней - ближе к коже - проступает тот холодный металлический оттенок, который отличает их от обыкновенной седины.

Черты лица острые, но не резкие; линии прямые, но без жёсткости; губы тонкие, сомкнутые, из тех, что лучше молчат, чем говорят. Красота его - не та, что располагает. Она настораживает. От неё не тянет смотреть снова; от неё хочется понять, чем именно она опасна, и отступить раньше, чем выяснишь.

Но глаза.

Глаза у него синие. Не тёмно-синие - именно тот оттенок, какой бывает у глубокой воды, когда над ней тонкий лёд. В них не холод - холод был бы просто. В них то, что приходит, когда кто-то очень долго умел чувствовать и однажды решил перестать, и у него почти получилось. Почти. Но не до конца.

Он смотрит в окно.

Внизу город. Огни Морэна, рассыпанные по склону вниз до самой стены. Синие. Холодные. Одинаковые.

Кроме одного.

Маленькое окно на втором этаже «Синего колокола» - жёлтое. Живое. Там горит обыкновенная свеча, такая, какие здесь не жгут. Такие жгут только приезжие. Те, кто ещё не привык.

Те, кто пришёл оттуда.

Он смотрит на это окно так долго, что в комнате за его спиной успевают потемнеть на оттенок. Не двигается. Двигаться сейчас - значит признать, что это окно для него что-то значит. А он давно научился не признавать.

Потом свеча гаснет.

В груди у него что-то сжимается - не остро, тихо, как сжимается рука, которая держит слишком тяжёлое уже долго. Закрывает глаза. Открывает. На правом запястье, под манжетой, тонкая розовая полоса. Она чешется. Не от зуда - от того, что под ней.

Кладёт ладонь на стекло.

Стекло под его рукой тут же затягивается тонким узором инея - мгновенно, как если бы мороз выпустили из-под пальцев. Узор повторяет тот, что идёт у него по коже: ломаные линии, несимметричные, живые. Он стоит так, и узор растёт под его ладонью, и где-то в середине его груди медленно ходит маятник, который не должен был ходить - двести восемьдесят лет он останавливал его. У него получалось.

До сегодняшнего вечера.

Он говорит - тихо, в стекло, так, что даже если бы в комнате был кто-то, тот бы не услышал:

- Не влюбляйся в него снова.

Иней на стекле вздрагивает. Одна из линий - ломаная, тонкая - ползёт вверх, на миллиметр, на два, как будто что-то внутри узора пытается дотянуться туда, где - на другой стороне города - только что погасла одна маленькая жёлтая свеча.

- Пожалуйста, - говорит он.

Тем же словом. Той же тяжестью, с которой она когда-то говорила ему.

И убирает руку.

Иней остаётся.

И - впервые за семь лет - узор на стекле начинает теплеть. Слабое, едва видимое бледно-голубое сияние. Через ладонь, через камень, через весь город - куда-то к ней.

Если она почувствует - она проснётся.

Он резко прижимает ладонь обратно. Гасит.

Узор тускнеет.

Слишком ярко. Слишком долго. Слишком близко.

Он долго смотрит на собственный отпечаток - пять пальцев, вмёрзших в стекло, - а потом, как будто ему стало мерзко на это смотреть, отворачивается и уходит вглубь комнаты, в темноту.

Сегодня он опять не будет спать.

Как и каждую ночь последние семь лет.